

Richter, Hedwig: Aufbruch in die Moderne. Reform und Massenpolitisierung im Kaiserreich. — Berlin: Suhrkamp, 2021. — 276 S. — ISBN: 978-3-518-12769-9

Рихтер, Хедвиг: Прорыв к модерну. Реформа и массовая политизация в Германской империи. — Берлин: Зуркамп, 2021. — 276 S. — ISBN: 978-3-518-12769-9

Рецензент / Rezensent:

Тимофей Дмитриев / Timofey Dmitriev

DOI: <https://doi.org/10.25360/01-2023-00009>

В своей книге Хедвиг Рихтер (род. 1973), профессор университета Новой и Новейшей истории Университета бундесвера (Мюнхен), предлагает читателю масштабную панораму реформ и процессов массовой политизации, происходивших в Германской империи в период с ее создания в 1871 году и вплоть до ее крушения в результате поражения в первой мировой войне в 1918 году.

В структурном плане книга делится на четыре основные главы, введение и заключение. В первой главе речь идет о историческом событии огромного масштаба в жизни немцев — их объединении в рамках одной большой державы в 1871 году, что повлекло за собой резкое ускорение развития массовой политики и массовой культуры в объединенной стране. Вторая глава освещает вопросы экономического и социального развития Германской империи. В ней показано, что немецкий капитализм после объединения, несмотря на то, что он жестоко эксплуатировал трудящиеся массы и довел социальное неравенство до невиданных прежде высот, в то же самое время заложил основы для того, чтобы массы из бессловесных подданных превратились в сознательных налогоплательщиков и потребителей, жизнь которых протекала в относительной социальной безопасности. Одновременно, в том числе и по причине растущей моральной нетерпимости общества по отношению к таким негативным социальным явлениям, как бедность и нищета, государство было вынуждено брать на себя всё больше ответственности за развитие тех или иных областей немецкого общества, что вело к его более глубокому проникновению в повседневную жизнь людей.

Третья глава раскрывает глобальные рамки, без учета которых невозможно понять не только бурный экономический рост, но и подъем расизма и рост социалистического движения на рубеже двух веков. Многие люди того времени начинают мыслить глобально: это касается как представителей космополитической части немецкой буржуазии, так и активистов и активисток социалистического и феминистского движения. Для большинства, однако, именно национальное сообщество служило источником самосознания и основой идентичности. В контексте конкуренции между могущественными европейскими державами на мировой арене мир воспринимался как становящийся и более глобальным, и более национальным.

Четвертая глава анализирует расширение прав гражданского участия и его связь с войной и воинской службой. Подобно тому, как в середине XIX века воинская обязанность и представления о свободном человеке с оружием в руках сочетались с национализмом, так и массовая политизация и массовые войны в первой половине XX века идут рука об руку. Тот, кто умирает за родину, должен иметь право выбирать, а тот, кто участвует в управлении государством, нередко становится носителем реваншистских настроений и воинственного национализма. «Война, — констатирует Хедвиг Рихтер, — укрепила равенство, разрушила региональные стены, ослабила классовые барьеры и освободила индивида от корсета локальных культур и порядков» (S. 103).

Рецензируемую работу по ее жанру можно охарактеризовать как «ревизионистскую», поскольку она, помимо всего прочего, ориентирована на развенчание сложившихся в современной историографии мифов и стереотипов о Германской империи. Первый тезис, который автор кладет в основу своего очерка, как раз и связан с развенчанием этих стереотипов. Согласно этому тезису, история Германской империи в 1871—1918 гг. — это прежде всего не история авторитарного и милитаристского монархически-бюрократического государства (Obrigkeitsstaat), но история реформ, родивших на основе своеобразной «культуры компромисса» и направленных на мирное и планомерное изменение немецкой социальной действительности. Эти реформы, поводами для которых нередко служило громкое возмущение общественности кричащими язвами социальной жизни, были сугубо необходимы для разрешения великой проблемы того времени: интеграции широких масс населения, которые не должны были больше жить в унижении и нищете. История Германской империи истолковывается поэтому автором рецензируемой книги как время перелома и сознательно направляемых изменений, динамика которых определялась процессами массовой политизации. «Тем самым очерк дополняет широкий круг исследований, уже довольно давно отказавшихся от представлений о квази-абсолютистском государстве верховного правителя, поскольку они не отдают должное плюрализму немецкого общества и разнообразию политической жизни в Германской империи» (S. 14). По мнению автора, «единство Германии было не только эмоциональным проектом, направленным на поощрение шовинизма (хотя было и это), но и предпосылкой ее вхождения в высокий модерн. Оно создало условия для экономического, социального и научного подъема Германии. В том, что это произошло, — огромная заслуга либеральных политиков и прогрессивно настроенного чиновничества» (S. 42). Тем самым, как отмечает Хедвиг Рихтер, были созданы предпосылки для развития современного государства, проводящего разностороннюю социальную политику и действующего в правовой системе координат, «с совершенно беспрецедентной научной системой и сильной экономикой, которая обеспечивала процветание для всех; государства, которому удалось в значительной степени интегрировать разнородное население» (S. 139).

Рецензируемая работа написана в духе новых веяний в современной историографии в том плане, что через все ее разделы отдельным рефреном проходит высокая оценка роли женщин в описываемых эпохальных социально-исторических трансформациях немецкого общества на рубеже XIX—XX вв. Это стремление Хедвиг Рихтер писать политическую и социальную историю Германской империи и ее прорыва к модерну не только как историю мужчин, но и как историю женщин заслуживает всяческого признания не только как дань новейшим веяниям времени, но и как важный шаг на пути создания более сбалансированного канона истории немецкой современности, в рамках которого «мужской взгляд» больше уже не будет подменять собой «женский» или же безапелляционно притязать на то, чтобы полноценно его представлять. Более того, саму проблематику эмансипации женщин в истории немецкого модерна начала прошлого века автор освещает с довольно неожиданной стороны, показывая, что «приручение представлений о мужественности и мужских практик способствовало одному из самых важных процессов интеграции того времени: политической мобилизации женщин. Только благодаря этому массовая политизация приобрела свое полноценное значение. Почти все политические направления женского движения позиционировали себя как реформаторские силы, претендуя при этом на наличие у них особых компетенций в социальном вопросе и выводя из этого свое право на участие и самоопределение» (S. 141).

Необычайно интересной и поучительной оказывается также логика включения и исключения, свойственная современной национально ориентированной демократии, которую автор на примере истории Германской империи прослеживает в первой, третьей и четвертой главах своей книги. Новое чувство общности было в значительной степени обусловлено созданием единой германской нации. В период ее расцвета происходит далеко идущий процесс интеграции социальных низов в политические, социальные и культурные

порядки империи. Обратной стороной этих процессов национальной и социальной интеграции является масштабная политизация масс, с которой чем дальше, тем больше были вынуждены считаться и сами власть имущие.

Однако включение идет здесь — такова парадоксальная логика модерна — рука об руку с исключением. Чувство национальной общности граждане индустриально развитых стран обретают не в последнюю очередь благодаря дистанцированию от «других». По этой причине переломная эпоха интеграции и реформ была одновременно эпохой торжества империализма, расизма и колониализма, направленного на захват чужих территорий и подчинения других, неевропейских народов якобы с целью их «цивилизации». «Столь важное для истории демократии понимание того, — пишет Хедвиг Рихтер, — что одна из основ демократии — расширение могущества масс — может привести как к свободе и справедливости, так и к тоталитарному, человеконенавистническому государству масс, в понятии нации становится наиболее очевидным» (S. 83).

В то же самое время автор предостерегает своего читателя от того, чтобы видеть в этих темных сторонах истории западного модерна сугубо немецкую проблему. Как подчеркивает Хедвиг Рихтер, «расизм, антисемитизм, грезы о евгенике и чистоте крови, забота о здоровом «народном теле» и ненависть к другим являются составной частью истории Запада в целом» (S. 142). С этой точки зрения нельзя не признать наличие определенной исторической непрерывности между массовой политизацией рубежа двух веков и преступными тоталитарными режимам XX века.

Наконец, еще одну важную черту «прорыва» к модерну, совершенного в годы существования Германской империи, автор рецензируемой работы усматривает в том, что в своем политическом развитии в этот период Германия продолжала оставаться в русле тенденций эволюции индустриально развитых стран. «Благодаря реформаторским движениям и их динамике включения в Германской империи пробились важные ростки массовой демократии» (S. 83). Тем самым были заложены определенные предпосылки не только для господства национал-социалистической диктатуры, но и для демократического пути развития немецкого отечества. Так, Веймарская республика во многих отношениях была тесно связана с империей, причем не только своими отрицательными, но и своими положительными сторонами. Таким образом, заключает Хедвиг Рихтер, «в Германской империи кроются истоки не только национал-социализма, но и предшествовавших ему демократических времен Веймара, а также Федеративной республики» (S. 143).